

Чалмаев В.А.

«За гремучую доблесть грядущих веков...»

Истинным шедевром русской лирики XX века стало стихотворение «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931, 1935).

Чем замечательно это стихотворение — исповедь, самоотчет о своем положении, синтез тревог и надежд?

В стихотворении, задуманном в духе патетического «романса», начинавшегося в черновиках со слов «мне на плечи кидается век-волкодав», поэт оставил в стороне все иносказания, всю зашифрованность. Стихотворение в итоге начинается с прямых признаков в своем одиночестве, с оценки собственной обманутости:

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей —
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Среди всяких вариантов, которые вели бы стихотворение к финалу, были и строфы, умножавшие тему утрат, жалоб на лишения: «Я — трамвайная вишенка страшной поры, / И не знаю, зачем я живу»; «Долго ль прятаться мне от великой муры?»

В окончательном варианте вторая строфа превратилась в грандиозную метафору, в просьбу к веку не умножать серию поражений, обид, мелких унижений, а сразу спрятать где-нибудь в запредельном крае:

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, не хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

Этот мандельштамовский Енисей оживет в «Реквиеме» Ахматовой, где есть строки «Клубится Енисей, / Звезда полярная сияет». Последняя строфа имела еще один, не менее совершенный, хотя и исчезнувший в окончательном тексте вариант, предвещавший жизненную позицию В. Шаламова, Ю. Домбровского в их противостоянии «веку-волкодаву»:

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И слеза на ресницах как лед,
Потому что не волк я по крови своей
И во мне человек не умрет.